

Наша жизнь состоит из ожиданий. Если они оправдываются, мы чувствуем себя уверено и комфортно. А если не оправдываются? Покупая журнал в киоске, мы на подсознательном уровне знаем, в каком ключе будут излагаться факты. Открывая монографию любой области знаний, мы ожидаем получить точную и достоверную информацию, изложенную в строгом научном стиле. Обращаясь к источнику информации, мы настроены на получение нового знания. Более того, это знание должно быть подано определенным образом. Определенного стиля изложения ожидают даже те, кто далек от понимания разницы между научной и научно-популярной литературой. Но что же произойдет, если все жанры смешаются? Если, к примеру, в собственно научном тексте вдруг появятся элементы публицистики или даже разговорного стиля? Сомнение. Такова будет первая реакция. А можно ли доверять данному изданию? Мы привыкли, что среди огромного множества источников информации есть те, на которые можно ссылаться. Как правило, обычно речь идет о научной литературе. Еще со школьных времен мы знаем, что «научно» значит «сухо, выдержанно, строго, неэмоционально». Так было раньше. Времена Вилена Наумовича Комиссарова, который учил нас, что «научному стилю характерно стремление к четкости строгости изложения и отсутствие экспрессивности», давно прошли. Наметился существенный сдвиг в рамках научного творчества. Как следствие интерес лингвистов в проблеме экспрессивности научной литературы возрос.

Пару месяцев назад на просторах интернета я наткнулась на аннотацию монографии по антропологии Филиппа Раштона «Race, evolution and behavior. A life history perspective». Найдя ее интересной и не желая перегружать мозг чтением на языке оригинала, я решила разыскать перевод. Кто ищет - находит, перевод на русский язык, выполненный Д.О. Румянцевым в 2011 году. Пытаюсь разобраться в «доктринах специфичности» и «корреляции между суммарным баллом по тестам служения и экспертной оценкой альтруизма» и вижу риторический вопрос:

«Какой из этих двух выводов более точен?». Поначалу не обращаю на него внимания, но потом меня осеняет «средство выражения экспрессии в монографии...странно». Читаю дальше «...мне удалось показать прямую генетическую обусловленность различий чернокожие-белые...». Личное местоимение в научном тексте. Еще один риторический вопрос, снова использование «я» вместо «мы». В таком духе продолжать невозможно. Обращаюсь к оглавлению. А действительно ли это монография? Да, все верно. Известное издание, доктор филологических наук в роли научного консультанта. Читаю о Дж. Филиппе Раштоне. Автор более 250 научных статей и шести монографий. Наибольшую славу Раштону принесла данная научная монография «Раса, эволюция и поведение» (1997), которая уже выдержала три переиздания на английском одно на немецком и одно на японском языках. Сомнение. Снова. Но на этот раз в своих знаниях. Из курса университетских лекции вспоминается, что монография – прежде всего научный труд, посвященный всестороннему рассмотрению и решению определенной актуальной проблемы, обладающий смысловой завершенностью, сложностью композиционной структуры. Помним и об ориентации монографии исключительно на подготовленного читателя, имеющего определенный багаж знаний по предмету. В филологическом журнале читаю про особенности жанра монографии в русском языке: выражение своего мнения с помощью личного местоимения 1-го лица в форме множественного числа; вместо личных конструкций (местоимения «я») используются пассивные обороты; широкое использование сослагательного наклонения и еще целый список строгих правил, который ни в коем случае нельзя нарушать. А иначе, о какой научности может идти речь? Несмотря на, казалось бы, соответствие данной монографии всем требованиям продолжаю встречать такие «инородные элементы», а иначе говоря, экспрессивные средства, как риторические вопросы, личное местоимение «я», даже метафоры и эпитеты («темная сторона человеческого альтруизма», «идеологические минные поля», «горы данных»). И тут в

голову приходит мысль, что, возможно, дело в непрофессионализме переводчика. Такое бывает. Решение приходит мгновенно. Обратиться к тексту оригинала. В душе надеюсь на «долгожданную научность». Видимо, ожиданиям сегодня не суждено оправдаться. В тексте оригинала я встречаю всё те же «a dark side of human altruism» и «ideological mine fields», и «a mountain of data», все риторические вопросы на месте, все местоимения переведены с точностью. О том, чтобы бросить исследование на данном этапе, не может быть и речи. Простудировав внушительное число литературы на тему особенностей жанра монографии в английском языке, узнаю, что в англоязычных монографиях чаще встречаются эмоционально окрашенные элементы. Ситуация начинает проясняться, истина где-то рядом! Так называемые «вольности» автора англоязычной монографии, как оказалось, явление довольно распространенное, которое не лишает текст, присущей ему научности. Однако в русском языке всё немного иначе. Черным по белому у Вилена Наумовича читаем, что все эмоционально окрашенные элементы при переводе на русский язык, следуя переводческой традиции русского языка, требуют замены при переводе на более нейтральные слова и выражения. Предполагается, что все эстетические средства научного текста должны быть подчинены основным требованиям, которые предъявляются к данному жанру. Этим то и объясняется регламентированный характер использования эмоциональных средств. Немного запутались? Неудивительно, ведь ситуация обстоит следующим образом: есть англоязычная монография с определенным количеством средств экспрессивной выразительности, которые для английского языка являются нормой, а есть перевод данного научного труда на русский язык с сохранением всех экспрессивных элементов, вопреки существующим правилам.

Большинство тех, кто хоть каким-то образом связан с языком, полагают, само собой разумеющимся и естественным следующее соображение: научный текст не должен содержать какую-либо

эмоциональную составляющую. Можно ли в таком случае винить переводчиков за страстное рвение осуществлять «стилистическую правку» в любой непонятной ситуации? Но язык не статичен. Меняются времена, люди и язык становится лакмусовой бумагой, которая выявляет результаты этих перемен. На данный момент присутствие определенных средств эмоциональной выразительности в собственно-научном тексте не вызывает сомнений. В современном научном стиле зафиксированы процессы, свидетельствующие об изменениях в области такого требования к научным текстам, как «обезличенность», «бесстрастность». Вопрос состоит в том, как реагировать на эти изменения и, собственно, в чем причины сохранения экспрессии при переводе. Вновь обратившись к источникам и осмыслив полученную информацию, прихожу к выводу, что экспрессивность, прежде всего, связана с проявлением в языке субъективного начала и отражает содержание индивидуального сознания автора. Эмоциональная реакция непосредственно связана с процессом познания действительности. Когда ученый выясняет взаимосвязи материального мира, оценивает работу других исследователей, наряду с сухой констатацией факта, он высказывает свою собственную оценку, делится опытом, который прожил, прочувствовал. Кроме того, научное повествование – это всегда диалог. И главным в этом диалоге является именно читатель. Все силы автора направлены на то, чтобы донести смысл сказанного. И в этой ситуации экспрессивные средства оказываются как нельзя кстати. Они помогают сделать научный текст более понятным для усредненного читателя, создают впечатление доступности научно-популярного текста, помогают установить связь между читателем и автором.

Для меня, как для переводчика, остается один самый главный вопрос – «Как переводить англоязычный научный текст на русский язык?». Вот она непреодолимая бездна между теорией и практикой. Арнольд, Гальперин, Комиссаров голосуют за «стилистическую правку». Но язык снова на шаг впереди. И на деле, вопреки всем правилам и наставлениям преподавателей,

переводчики учатся у языка, русского или английского, неважно. Важны лишь перемены, которые не зафиксированы в монографиях, но уже заняли свое почетное место в реальной жизни. И если для английского языка использование экспрессивных средств обычное дело, то возникает проблема перевода этих средств на русский язык. Переводчик, как часто бывает, вынужден принять непростое решение. Позволить экспрессии жить в переводе или нет? И он позволяет. Можно еще долго рассуждать о причинах, которые заставили его поступить так, а не иначе. Возможно, все дело в уважении переводчика к тексту оригинала и желании передать идиостиль автора или просто желание сделать текст более понятным и доступным. На данный момент об этом можно только догадываться.

Какой же вывод следует из всего вышесказанного? Вероятно, такой, что экспрессия является неотъемлемой частью научной литературы. Чтобы смириться с этой мыслью, вовсе необязательно ждать, когда лингвисты досконально изучат особенности жанра монографии и со всех сторон рассмотрят явление экспрессивности научного текста. Разумнее признать, что перемены - это скорее нечто положительное, а правильное сказать - неизбежное. Наша картина мира похожа на кирпичную стену, а кирпичи это наши ожидания, которые могут оправдываться, а могут – нет. Но это не значит, что эти кирпичи плохие, они просто другие. Природа человека состоит в постоянном поиске истины. А величайшее искусство состоит в том, чтобы следовать этой самой природе, иными словами, учиться укладывать кирпичи, даже если одним из этих кирпичей является экспрессия в научном тексте.